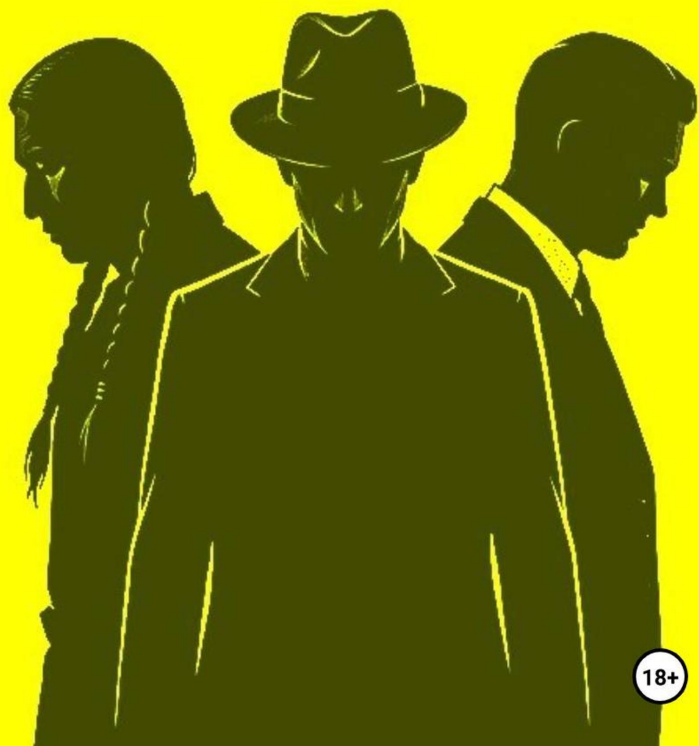

ТРОЕ

А. П. КОСТА

18+

Арм Коста

Трое

<https://litres.ru/74604803>

SelfPub; 2026

Аннотация

Америка, начало XX века. В заброшенном доме у лесной чащи, в железной клетке, томится пленник, не понимающий, за какую вину он здесь оказался. Его сторож холоден и непроницаем, и каждый их разговор превращается в испытание воли и совести. В это же время молодой архитектор Киллиан впервые в жизни влюбляется — в юную Грету, случайно встреченную у офисного здания. Но за благополучным фасадом делового города скрываются чужие тайны, долги и сделки, в которых человеческая жизнь может стать разменной монетой. История о любви и жестокости, вине и возмездии, где прошлое не отпускает, а расплата приходит оттуда, откуда её меньше всего ждут.

Арм Коста

Трое

Глава I

Дом, о котором пойдёт речь, стоял в стороне от прочих жилищ, словно прокажённый, отвергнутый обществом. Он притулился у подножия невысокого холма, на самой опушке густого леса, чьи тёмные кроны даже в полдень отбрасывали на землю зловещую, почти осязаемую тень. Издали это строение казалось брошенным много лет назад: щепастая обшивка стен посерела от времени и непогоды, окна, точно мёртвые глаза, были заколочены досками, а тропа, ведущая к крыльцу, заросла бурьяном и диким шиповником. Однако тот, кто оказался бы внутри, вскоре понял бы, что заброшенность эта — лишь искусная маскировка, скрывающая от посторонних глаз тайну, о которой не принято говорить вслух.

В те годы, когда сухой закон превратил жажду в моду, а тайну — в самый ходовой товар, такие дома были изнанкой блеска. Роскошь и упадок сходились в них, как дым дорогих сигарет с запахом сырости; джаз, доносившийся из подпольных клубов, казался здесь только громче оттого, что рядом пряталась тишина. Дом был не просто зданием — он был границей, где вечеринка заканчивалась и начиналась история, которую никто не решился бы рассказать вслух. В этой намеренной заброшенности, в этом забвении рождались са-

мые тёмные дела эпохи.

В сыром подвальном помещении, куда не проникало ни единого луча солнечного света, в клетке, сколоченной из грубых железных прутьев, томился человек. Он был молод, но лишения и страх уже наложили на его лицо печать преждевременной старости; глаза его, ввалившиеся и лихорадочно блестящие, беспокойно бегали по сторонам, а пальцы судорожно сжимали холодный металл решётки. В его движениях была та нервная энергия, которую в те годы можно было встретить у людей, привыкших к скорости — к скорости автомобилей, к скорости сделок, к скорости, с которой менялась жизнь. Но здесь, в этой неподвижной сырости, она казалась неуместной, почти смешной, как дорогой костюм на человеке, который забыл, куда ему идти.

— Почему ты держишь меня здесь? — голос его дрожал, срываясь то на шёпот, то на отчаянный крик. — Я уже слишком долго сижу взаперти! Меня, верно, ищут — и найдут, помяни моё слово! Кто ты? У тебя будут большие неприятности из-за того, что ты запер меня в эту клетку, как дикого зверя. Послушай же меня! Мы можем договориться. Только выпусти меня, и я всё забуду. Честное слово, забуду и никому не скажу ни единого слова. Умоляю тебя!

Человек, сидевший в старом, продавленном кресле напротив клетки, оставался неподвижен, словно изваяние. Лишь лёгкая, едва уловимая улыбка, игравшая в уголках его тонких губ, выдавала странное удовлетворение, которое он, по-

видимому, испытывал, наблюдая за муками пленника. Казалось, он смотрел не на живого страдающего человека, а на театральную постановку, финал которой был известен ему заранее и доставлял некое извращённое наслаждение. В его позе было что-то от тех элегантных джентльменов, что в модных клубах заказывали коктейли, которых не было в меню, и платили за молчание, — только здесь ставка была выше, чем просто репутация.

Просидев так несколько минут в полнейшей тишине, нарушаемой лишь прерывистым дыханием узника, сторож медленно поднялся, подошёл к решётке и, внимательно, словно изучая редкое насекомое, осмотрел того, кто был заперт за ней. В воздухе повисла та самая тишина, которая в двадцатые годы часто означала не покой, а напряжение — как перед грозой или перед началом подпольной вечеринки, где каждый звук мог стать роковым. Наконец он заговорил — негромко, размеренно, с ледяным спокойствием, от которого мороз продирает по коже сильнее, чем от любого крика.

— Я всего лишь сторож, — произнёс он, чеканя каждое слово. — Тебя заперли здесь потому, что ты этого заслужил. Так мне сказали. И пробудешь ты здесь ровно столько, сколько будет угодно тем, кто отдал этот приказ. Ты совершил ошибку, и за неё обязан понести наказание.

Его голос звучал так, будто он цитировал чьи-то инструкции, заученные наизусть, и в этом была особая жестокость — не личная, а механическая, как у машины, которая не спра-

шивает, почему она давит.

— Я не знаю, о чём ты говоришь! — в отчаянии вскричал узник, прижимаясь лицом к прутьям. — Какую ошибку? Скажи мне, прошу тебя! Я не понимаю! Я не сделал ничего дурного!

— У тебя будет достаточно времени, чтобы подумать и всё вспомнить, — ответил сторож с прежней невозмутимостью. — Не торопись. Время здесь тянется медленно, но именно оно — твой единственный союзник... или враг.

Слова повисли в воздухе, тяжёлые и пустые одновременно, как обещания, данные в темноте, когда никто не видит лиц.

— Отпусти меня! — молил пленник, и голос его прервался от подступивших рыданий. — Я за всю свою жизнь не причинил никому зла! Клянусь тебе!

Сторож на мгновение задумался, затем слегка наклонил голову, как бы соглашаясь с чем-то, что было ведомо лишь ему одному. В этом жесте было что-то от людей той эпохи — они умели хранить тайны не из благородства, а потому что знали: знание — это валюта, и тратить её нужно осторожно.

— Я оставлю тебе хлеб и воду, — сказал он тоном, не допускающим возражений. — И на ночь оставлю лампу гореть. Но только при одном условии: ты будешь вести себя очень тихо. Не шуми и не кричи — тебя всё равно никто не услышит. Мы здесь одни. Совершенно одни.

— Я согласен! — торопливо воскликнул пленник, хвата-

ясь за эту призрачную милость, как утопающий за соломинку. — Только не туши лампу! Умоляю, не туши!

В его голосе было столько надежды, что даже этот холодный, равнодушный человек будто на секунду задержал дыхание, словно сам удивился, как много может значить маленький свет в полной темноте. Сторож молча протянул между прутьями краюху хлеба и жестяную кружку с водой, поставил их на холодный каменный пол и, не проронив больше ни слова, удалился. Его шаги по скрипучей лестнице звучали в тишине, как удары молота по крышке гроба, и в этом звуке было что-то окончательное, как в последнем аккорде джазовой композиции, после которого зал замирает, прежде чем взорваться аплодисментами, — только здесь не было ни зала, ни аплодисментов.

На следующий день он вернулся. Так же молча присел в кресло, поправив полы своего длинного сюртука, и устремил на клетку взгляд, полный холодного любопытства. В свете тусклой лампы его лицо казалось маской, которую кто-то надел, чтобы скрыть настоящие эмоции, — а в ту эпоху маски носили все, даже те, кто не ходил на костюмированные балы.

— Ты не собираешься меня выпускать, — произнёс узник с горечью, не спрашивая, а утверждая. — Ты всё решил заранее, ещё до того, как я попал сюда.

— Возможно, — последовал равнодушный ответ. — Но решать не мне. Я уже говорил тебе, и мне не хотелось бы повторяться. Я всего лишь сторож. Тебе нужно привыкнуть

с мыслью, что ты здесь надолго. Приспосабливайся. Постарайся догадаться, почему ты оказался за этой решёткой. Это важно для тебя самого. Возможно, от этого что-то изменится в решении тех, кто вершит твою судьбу.

Он говорил так, будто судьба — это не что-то личное, а некий механизм, шестерёнки которого крутятся где-то наверху, вне досягаемости.

— Я всю ночь не сомкнул глаз, пытаюсь понять, — прошептал пленник дрожащим голосом. — Но всё напрасно. Мысли мои смешались, я совсем запутался. Подскажи, в чём я провинился? Хотя бы намекни!

— Хорошо, — произнёс сторож после долгой паузы. — Времени у нас, как я уже заметил, предостаточно. Торопиться нам решительно некуда. Расскажи мне о себе. Подробно. Не упуская ни одной детали. От этого зависит, как долго ты здесь пробудешь... или выйдешь ли вообще.

Он откинулся на спинку кресла, устраиваясь поудобнее, и приготовился слушать. Но узник лишь горько усмехнулся.

— Это ничего не изменит, — произнёс он с видом человека, потерявшего последнюю надежду. — Не нужно меня обнадеживать. Я не выйду отсюда ни при каких обстоятельствах. Я это чувствую. Нет смысла о чём-то говорить.

Сторож долго молчал, не тревожа пленника. Он, казалось, намеренно давал ему время осознать всю безнадёжность положения. Лицо его оставалось бесстрастным, взгляд — твёрдым и безжалостным. В этом взгляде не было ни гнева, ни

злорадства — лишь спокойная уверенность человека, в чьих руках находится чужая жизнь, и который не испытывает по этому поводу ни малейших угрызений совести. Напротив, казалось, что страдания жертвы наполняют его какой-то тёмной, животной энергией. В ту эпоху многие научились извлекать силу из чужих слабостей, и он, видимо, был одним из них.

Наконец он прервал тягостное молчание:

— Устраивают ли тебя здешние условия? Или есть пожелания? — спросил он. В голосе его прозвучала едва уловимая издёвка.

Невнятный возглас узника эхом прокатился по подвалу.

— Не нужно кричать, — ледяным тоном произнёс сторож. — Это не принесёт тебе пользы. Напротив, может ухудшить твоё положение, которое и без того плачевно. В эту минуту ты — лишь мышь в когтях у кошки. И поверь, кошка не любит, когда мышь пищит слишком громко. Условия же твои пока остаются прежними.

Тяжело дыша, пленник отступил от решётки и, казалось, впервые за всё время задумался о чём-то более важном, чем собственные страдания. Он улёгся на старый продавленный матрас и, повернувшись к сторожу спиной, дал понять, что разговор закончен.

Сторож поставил на пол миску с едой, недовольно покачал головой и направился к лестнице. Услышав его удаляющиеся шаги, узник резко вскочил и бросился к решётке.

— Прощу тебя! Умоляю! Выпусти меня! Я больше так не могу! Это невыносимо! Я не готов к такому! За меня заплатят, слышишь?

Сторож остановился на нижней ступени и обернулся. Лицо его не выражало ни сочувствия, ни раздражения — лишь холодное безразличие.

— Никто к этому не готов, — ответил он ровным голосом. — Но, к сожалению, эту участь ты, вероятно, заслужил сам. И поверь: твоё предположение о выкупе здесь неуместно. Выкуп тут ни при чём.

— Нет, нет, я так не думаю! — сбивчиво залепетал узник. Голос его сорвался. — Даже не надейтесь! Понапрасну тратите и своё, и моё время. Не сомневайтесь, забудьте об этом!

Отвернувшись, он опять лёг на изношенный матрац — спиной к сторожу.

Сторож лишь с недовольством покачал головой и двинулся к выходу.

В подвале, оставшись один, узник долго смотрел на миску с едой, которая казалась ему символом надежды, но одновременно и напоминанием о его положении. Он начал есть медленно, размышляя о своей жизни, о том, что привело его сюда.

В голове мелькали воспоминания о шумных вечеринках, о людях, которые смеялись и танцевали, не подозревая о его существовании. Казалось, что вся его жизнь была лишь чередой ошибок и неправильных решений.

Едва забрезжило утро следующего дня, как сторож вернулся. Он принёс с собой газету, которую развернул и начал читать, не поднимая глаз на узника. В статье говорилось о подпольных клубах и о том, как сухой закон изменил жизнь многих людей.

— Читаешь? — спросил сторож, не отрываясь от газеты. — Это твой мир сейчас. Здесь ты находишь новости, здесь твоя реальность.

Узник молчал, наблюдая за сторожем. Он понимал, что его жизнь изменилась навсегда и что выбраться из этой клетки будет невозможно.

— Ты полагаешь, что чего-то стоишь? — спросил сторож с любопытством, в котором сквозило презрение. — Как это интересно. Расскажи же, откуда такая самоуверенность?

— За меня никто не заплатит! — отчаянно воскликнул узник. — Даже не надейтесь! Понапрасну тратите и своё, и моё время. Не сомневайтесь, забудьте об этом!

Сторож медленно встал, придвинул кресло вплотную к решётке и сел, не сводя с пленника пристального взгляда.

— Ты прав, — произнёс он после долгой паузы. — Здесь нет места для выкупа. Это не та игра.

Он поднялся и направился к выходу. Узник, снова оставшись один, погрузился в свои мысли. Он пытался понять, что же произошло, почему он оказался здесь.

Время тянулось медленно, каждый день был похож на предыдущий. Сторож приходил и уходил, принося еду и во-

ду. Узник пытался сохранить рассудок, но с каждым днём это становилось всё труднее.

Однажды, когда сторож вошёл в подвал, узник увидел в его руках небольшой свёрток.

— Это для тебя, — сказал сторож, протягивая свёрток. — Подарок.

Узник осторожно развернул свёрток и увидел фотографию. На ней была изображена молодая женщина с улыбкой на лице.

— Ты кто? — спросил узник, не отрывая глаз от фотографии.

— Твоя судьба, — ответил сторож. — Теперь ты знаешь.

С этими словами он вышел, оставив узника наедине с его мыслями и воспоминаниями. Лампа ещё горела — тускло, упрямо, как последняя надежда, которую никто не решается ни загасить, ни назвать вслух.

Глава II

То был обычный день — из тех, что в Нью-Йорке двадцатых годов были похожи друг на друга, как новенькие банкноты: одинаково свежие, одинаково потёртые, одинаково не способные никого удивить. Каждое утро, ровно в половине восьмого, Киллиан проходил через массивные дубовые двери конторы архитектурного бюро «Стоун и Партнёры», и садился за свой стол у окна, выходящего на шумную деловую улицу. В этом окне отражался весь город: торопливые силуэты прохожих, блеск лакированных капотов новых автомо-

билей, мелькание газетных заголовков в руках уличных разносчиков, — и всё это казалось Киллиану далёким, почти театральным зрелищем, разыгранным специально для того, чтобы подчеркнуть тишину его собственного существования. Город жил под ритмы джаза, а он жил под тиканье часов; город пил коктейли из-под полы, а он довольствовался остывшим кофе в жестяной кружке; город гнался за чем-то, чего сам не мог назвать, — а Киллиан целый год гнался за девушкой, которую видел ровно четыре минуты в день.

Но самым любимым его местом была даже не работа, а небольшая площадка у проходной, где он, якобы для того, чтобы выкурить сигарету, простаивал каждый перерыв в течение вот уже более года. Он знал: этот ритуал давно перестал быть про курение. Папироса в его пальцах чаще оставалась незажжённой, а взгляд был прикован не к дыму, а к двери, из которой должна была появиться она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.